

УДК 316.4(=945.41)(470.21)

Е.В. Бусырева

ИСТОРИЯ СЕМЕЙ С ФИНСКИМИ КОРНЯМИ В КОНТЕКСТЕ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ (НА ПРИМЕРЕ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Статья основана на материалах исследования, цель которого – проследить влияние таких этносоциальных процессов, как миграция, ассимиляция, гетероэтническая брачность, на утрату финской этничности в последующих поколениях переселенческих семей. Также уделяется внимание репрессивной политике государства, негативно повлиявшей на сохранность финской культуры. Основным является метод устной истории. В статье представлена история тридцати одной семьи с финскими корнями на материале интервью и семейных архивов информантов, проживающих в Мурманской области. В ходе исследования было выявлено, что из поколения в поколение при смешении с другими народами в иноэтническом окружении закономерно, но в разных семьях по-разному, постепенно утрачивается финская самобытность. Как показали интервью, сохранность финской идентичности чаще всего наблюдается в финно-карельских семьях, и в первую очередь зависит от культурной политики семьи.

Ключевые слова: семейная история, этничность, ассимиляция, самоидентификация, миграции, межэтнические браки, иноэтническое окружение.

Наше обращение к теме, связанной с семьями, имеющими финские корни и проживающими на территории Мурманской области, продиктовано во многом этнографическим интересом и обусловлено тем, что финское население в разные исторические периоды в большей или меньшей степени было субъектом межэтнических взаимодействий на Кольском Севере, участвовало в формировании поликультурного облика региона.

Цель исследования – комплексное изучение этнической истории семей с финской родословной, а также этнических процессов, приведших к размытию финской этничности в иноязычном окружении. В фокусе внимания были конкретные люди – представители семей. В работе с информантами использовались устно-исторический и биографический методы. Основным материалом послужили глубинные интервью, полученные у 31 информанта; их семейные архивы и государственные архивы Мурманской области. Интервью, полученные у представителей самого старшего поколения семей, наиболее ценны, поскольку это были непосредственные участники знаковых исторических событий советского периода и свидетелями ушедшего в прошлое быта финских семей.

На утрату финской этничности в последующих поколениях переселенческих семей воздействовали такие этносоциальные процессы, как миграция и межэтнические браки. Вместе с тем феноменологический подход позволил выявить неоднородность ассимиляционных процессов, а также их опосредованность субъективными факторами.

По месту «исхода» все семьи информантов были условно разделены на четыре группы: финны-ингерманландцы (самая многочисленная финская группа в России); американские финны; финны – выходцы из северных районов Финляндии (прежде всего финские колонисты Мурманска) и финны – выходцы из южных районов Финляндии (в том числе петербургские финны) [31. С. 25]. Из числа наших информантов 14 – потомки финнов-ингерманландцев; у 10 предки – выходцы из северных районов Финляндии (в том числе финны-колонисты); 4 – потомки переселенцев из южных районов Финляндии; 3 – потомки американских финнов.

Исследователи, в работах которых затрагивается тема судеб финнов Кольского Севера, можно условно разделить на шесть региональных групп. Первая – это мурманская школа историков (И. Ф. Ушаков, А. А. Киселев, Е. А. Орехова, В. Я. Шашков и др.); вторая – исследователи Карелии (И. Р. Такала, Э. Г. Карху и др.); третья – петербургская школа (Л. А. Гильди, В. И. Мусаев, А. Ю. Заднепровская и др.); четвертая – московская школа: Н. В. Шлыгина; пятая группа – зарубежные исследователи (В. Расила, М. Йентофт и др.); шестая – архангельская школа (Г. П. Попов и Р. А. Давыдов). История заселения Кольского полуострова финнами хорошо известна и отражена в работах И. Ф. Ушакова, А. А. Киселева и других авторов. Она тесно сопрягается с темами спецпереселений и репрессий советского периода, освещенных в работах В. Я. Шашкова, Л. А. Гильди, С. П. Локко. В книге «Финны на Мурмане», написанной в жанре мемуаристики С. П. Локко подробно описывается материальную культуру кольских колонистов.

Большой вклад в изучение культуры финнов внес Э. Г. Карху. Особенную ценность представляет его книга «Малые народы в потоке истории». В ней содержатся сведения о спецпереселенцах-ингерманландцах, а также этнографический материал (о быте, пище, одежде, языке; о религиозных представлениях и практике, структуре семьи), свидетельствующий, в частности, об адаптации ингерманландцев к условиям Кольского Севера. Книга основана, прежде всего, на собственных воспоминаниях Э. Г. Карху, так что – при общей установке на научность – она имеет мемуарный характер.

Специальных работ, посвященных финнам Мурманской области в масштабах семьи, нет. Исследования не затрагивают вторую половину XX в., так что этот период этнической истории не изучен, между тем, на данном этапе происходили процессы этнической ассимиляции, и он интересен с точки зрения культурных трансформаций, что позволяет говорить о значительных перспективах раскрытия данной темы при использовании широкого круга источников.

Мы попытались на основе социально-антропологического подхода изучить небольшую группу семей с финскими корнями, чтобы глубже понять процессы глобального характера, связанные с функционированием этничности, ассимиляцией, и показать, как сохраняется социальная память в виде семейных преданий и предметов материальной культуры.

В истории семей огромную роль играют миграции. Для формализации и сопоставления данных по истории конкретных семей мы использовали понятие «миграционные траектории». Путем выявления миграционных траекторий семей становится возможным соотнести *вертикальные модели* (поколенно-генеалогическую и жизненного цикла семьи) с *пространственно-территориальной*, которая включает, помимо «родины предков», направления перемещений, «остановки» кратковременного или длительного пребывания членов семьи, включая места последнего упокоения родственников. При наложении этой модели на социально-историческую шкалу можно увидеть, как жизнь отдельных российских семей, какие бы корни они ни имели, интегрируется не только в отечественную историю, но и в общенациональное пространство [13. С. 285].

В целом миграции семей с финскими корнями были интенсивны и большей частью вызваны политикой государства. Миграции носили ли как добровольный, так и вынужденный характер. Представители семей в настоящее время рассеяны по всему миру, но в основном сосредоточены на территориях исконного проживания финских народов. У многих потомков финских семей наблюдается тяготение к этнической родине. Многие из родственников уже переселились в Финляндию.

Мурманский берег Кольского полуострова до 1860-х гг. практически не был заселен [12. С. 30]. Отсутствие дополнительных стимулов не могло привлечь на Мурманский берег переселенцев, к тому же русские власти сомневались как в пригодности этой территории для постоянного проживания, так и в необходимости ее заселения [25]. Миграции финнов на Мурманское побережье активизировались в голодное время 1860-х гг. [38. С. 69], когда финны страдали и гибли у себя на родине от систематических голодовок [33. С. 319]. Главной причиной переселенческого движения финнов в Россию в конце XIX в. был поиск работы и хороших заработков [30. С. 270]. Первые выходцы из Финляндии поселились в Урской губе в 1864 г. [26. С. 36], где занялись рыбным промыслом и скотоводством [11. С. 15]. В числе первых переселенцев были предки информанта Б25, о чем свидетельствуют опубликованные данные метрических книг, изданные в Финляндии [40. С. 107].

Переселение финских семей активизировалось после того, как в 1868 г. Александр II утвердил «Положение» о даровании льгот поселенцам Мурманского берега [4. ПСЗ-II. Т. XLIII. № 46467]. В 1876 г. был издан указ о даровании льгот поселенцам, как русским, так и финнам, и норвежцам, с оговоркой, что иностранные граждане должны были принять российское подданство [4. ПСЗ-II. Т. LI. № 55934]. Как отметил И. Ф. Ушаков, основные потоки финских колонистов шли из Улеборгской губернии [33. С. 312]. В колониях Западного Мурмана и по Кольскому заливу преобладали финны и норвежцы (63 % жителей), русских же было только 13 %. На Восточном Мурмане русское население в колониях составляло 76 %, а финны и норвежцы – только 2 % [32. С. 415]. Колонисты селились по Западному побережью Баренцева моря (включая Кольский залив), в бассейне реки Тулома и в районе Иона-Бабинского погоста. Таким образом, переселенческое движение из Финляндии носило приграничный характер.

Финны жили на Мурмане хуторами, обособленно, своими национальными общинами. Иммигранты практически не ассимилировались [16. С. 7]. Почти никто из них не владел русским языком. Основными занятиями финнов были рыбный промысел и охота. Сельское хозяйство (скотоводство и в незначительной степени огородничество) играло вспомогательную роль. К началу XX в. численность финнов на Кольском полуострове составила 1276 чел. [34. С. 522-523].

В годы Первой мировой войны численность финского населения Кольского полуострова значительно возросла в связи с тем, что в 1915 г. крестьян из Финляндии вербовали на строительство Мурманской железной дороги [20. С. 18]. К 1917 г. на Кольском полуострове финское население составляло примерно 2 тыс. чел. [34. С. 524]. После революционных событий 1917 г. большинство финских колонистов осталось на Кольском полуострове [31. С. 25].

С подписанием 14 октября 1920 г. Тартуского мирного договора [28. С. 229], район Печенги и половина полуострова Рыбачий отошли к Финляндии. Присоединение части территории нынешней Мурманской области к Финляндии произошло, в частности, из-за того, что на ней проживало большое количество финнов-колонистов и финляндское правительство настаивало на присоединении. Слабой в то время Советской России пришлось уступить. В начале 1920-х гг. массовое переселение с территории Финляндии прекратилось [25]. Однако в этот период получила распространение нелегальная миграция. К числу таких нелегальных мигрантов относились отцы двух наших информантов (Б8 и Б19).

В связи с циркулярным письмом Президиума ВЦИК от 10 января 1930 г. о выделении национальных меньшинств в особые национальные административно-территориальные единицы, в Мурманском округе началось преобразование сельсоветов, в которых не менее 2/3 всего населения составляли национальные меньшинства, – в национальные сельсоветы [5. С. 102]. Александровский район был утвержден национальным финским районом, в составе которого национальными финскими сельсоветами были утверждены Белокаменский, Грязно-Губский, Западно-Лицкий, Озерковский, Тюва-Губский и Ура-Губский сельсоветы [2. Ф. 162. Оп. 1. Д. 231. Л. 41, 136, 146]. Около 500 финнов жили по р. Туломе, в д. Ниван-Кюля Нотозерского сельсовета и в д. Иона Бабинского сельсовета [2. Ф. 162. Оп. 1. Д. 372. Л. 48].

В конце 1920-х гг. происходило массовое заселение Кольского Севера в связи с его промышленным освоением во многом путем спецпереселений. В 1930–1931 гг. в Ленинградской области было раскулачено и выслано в Хибиногорск и Кандалякшу среди прочих спецпереселенцев 2500 финнов-ингерманландцев [35. С. 47]. К числу таких спецпереселенцев относятся члены семей информантов А2, А3, А4, А11, А13, А14, А16. Семья информанта А20 была раскулачена и выслана в Узбекистан. Отметим, что репрессии периода коллективизации имели социальный, а не национальный характер [24].

На Кольском полуострове после объединения в колхозы часть финнов стала уходить в города или леспромхозы. Это был первый удар по финским колониям. Вторым ударом стало строительство Северного военно-морского флота. Финны были вынуждены переселяться [9. С. 3]. Создание Северного флота на Мурмане – это переломное время для финнов: началось переселение жителей с тех мест, которые были выбраны местами базирования флота [29. С. 136]. По этой причине были выселены семьи информантов Б25 (из Ваенги) и Б28 (из Озерко).

Со второй половины 1930-х гг. начинаются репрессии, направленные против финнов. Октябрьский пленум обкома ВКП(б) 1935 г. положил начало борьбе «с финским буржуазным национализмом». Финнов стали исключать из партии, запретили разговаривать на родном языке, начались аресты, закрылись финские школы. Одним из обвинений в адрес финнов было наличие связи с границей [17. С. 80]. На Кольском полуострове была якобы «раскрыта» «Финская контрреволюционная националистическая шпионско-повстанческая организация» [29. С. 140]. Нет сомнений в том, что Финляндия вела разведывательную работу как в районе Петсамо, так и в русской части полуострова Рыбачий. Однако практически нет подтверждения того, что там существовала созданная финнами шпионская организация или какая-то группа, и все, кто был тогда арестован и осужден, на сегодняшний день оправдан за отсутствием доказательств по обвинениям против них [18. С. 96]. В конце 1930-х гг. финские поселения на Мурмане были ликвидированы [23. С. 58].

Летом 1940 г. начинается новый этап депортации финнов. 26 июня 1940 г. бюро Мурманского обкома ВКП(б) приняло Постановление о переселении семей «инонационалов» (такой термин использовался в то время) с Кольского полуострова в Карелию [22. С. 74]. Финнов выселяли подальше от границы как *неблагонадежных* [34. С. 527; 19. С. 206]. Выселению из Мурманской области подлежали практически все финны. В нашем случае это семьи информантов А3, А4, Б8, Б9, А11, А14, А16, Б19, Б21, Б23, Б25, Б28, Б30 [3. Ф. 71. Оп. 2. Д. 50. Л. 84; 4. Ф. 71. Оп. 2. Д. 61. Л. 25; СА информантов]. Данной участи избежали женщины-финки, которые были замужем за русскими (например, мать информанта А13).

Впоследствии произошло еще одно выселение. В 1941–1942 гг., в связи с военными действиями на территории Карело-Финской ССР, финские семьи были эвакуированы дальше от границы в тыловые

области СССР, преимущественно в Архангельскую область и в Коми АССР. Поскольку эвакуация происходила в срочном порядке, люди не смогли практически ничего с собой взять, даже еды удалось собрать в очень ограниченном количестве. Многие умирали, не успев добраться до места назначения. Так, в дороге умерли сестры матери информанта А20 (семья была высланы в Сибирь из Ленинградской обл.), двое детей старшей сестры матери информанта Б28, оба деда информанта Б25: *От голода наши деды бежали из Финляндии и все-таки от голода умерли здесь в России* (Б25).

Во время эвакуации в Архангельской области и Коми АССР от голода умерло 75 % спецпереселенцев [10. С. 383, 399]. Так, потеряли родных семьи информанта А3 (бабушка, мать, два брата, сестра), мать и брат информанта А4, первая семья отца информанта Б8 (жена и трое детей), брат матери информанта А14, старшая сестра матери информанта Б28, прадед информанта Б30, дед и дядя информанта А31 (семья была эвакуирована в Кировскую обл. из Ленинградской).

В послевоенный период переезд отдельных представителей финских семей в Мурманскую обл. был вызван, прежде всего, трудовой миграцией, в том числе принятой в советское время системой распределения трудовых мест после окончания учебных заведений (например, информанты Г12 и Г22, отец информанта В26). Информанты А5 и А31 приехали в г. Кировск учиться в горном техникуме. Значительное число лиц приезжало на Север на заработки. Среди наших информантов к их числу относятся информанты Г7, А16, В18, А20, А24. Представители семей информантов Б21 и Б23 вернулись в Мурманскую обл. Начиная с 1990-х гг. наблюдается эмиграция семей с финскими корнями из Мурманской обл. в Финляндию. Этот процесс продолжается и по настоящее время.

В соответствии с миграционными прослеживаются также брачные траектории. Наш материал подтверждает, что до середины 1930-х гг. браки в финских семьях преимущественно были этнически эндогамными. Этот факт отмечает и Э. Г. Карху [19. С. 130]. Затем, в результате дисперсного расселения финнов, браки становятся большей частью гетерогенными. В послевоенное время смешанные браки стали нормой жизни. Их преобладание привело к быстрому уменьшению численности финнов. Запрет на возвращение в родные места вплоть до 1954 г., а также нарушение исторических границ расселения привели к распылению (дисперсии) финнов и значительной их ассимиляции [15. С. 538]. Из числа наших информантов только родители информанта А5 (и отец, и мать – ингерманландцы) заключили брак в 1946 г. Рост численности межнациональных браков в СССР трактовался как показатель развития дружественных межнациональных отношений, что, безусловно, в какой-то степени так и было. Наиболее часты межэтнические браки финнов с русскими, так как проживают они в основном в русском окружении. Межнациональным бракам между финнами и русскими сопутствовало активное усвоение языка и культуры доминирующего этноса. До середины 1930-х гг. на Кольском полуострове зафиксированы браки финнов с саамами, а также финских колонистов – с норвежскими колонистами и шведами. Нередко встречаются браки финнов с карелами. В настоящее время именно в финно-карельских семьях более всего проявляется финская идентичность. Представители близкородственных этносов по умолчанию или (реже) эксплицитно признают финский культурно-статусный приоритет. Представители российских финских семей, в силу разных обстоятельств, оказались оторванными от исконных мест своего проживания. В такой ситуации возможны разные модели брачных стратегий, опосредованные этническими установками. Одна из них проявляется в тенденции к усилению этнической эндогамии во имя «сохранения своего народа», к большей или меньшей (по мере реальных возможностей) культурной изоляции и т. п. Другая, напротив, предполагает «открытый» способ взаимодействия с этносами-соседями. Утверждению второго типа способствуют модернизированные брачные установки, в соответствии с которыми заключение брака – дело индивидуального и в основном эмоционального выбора. Именно «открытость» в отношении брачных установок и связей отличала и отличает финские семьи: *В нашей семье много всего намешано. Я сама два раза замужем была. Оба мужа – русские. У сестры моей Зои муж – армянин. Валя, сестра моего папы, была замужем за немцем. В общем, у нас в роду были и немцы, и поляки... И кого у нас только не было!* (Б30).

В обследованных нами родственных группах встречаются брачные отношения потомков финских семей с американцами, евреями, курдами, татарами, ижорцами, чукчами и немцами.

Миграции и смешанные браки закономерно приводили к трансформации этничности у представителей семей с финской родословной. Анализ материала, полученного в результате исследования, позволил выделить несколько форм гибридной этнической идентичности. Во-первых, это биэтническая идентичность. Особенность данного типа этничности в том, что его носители обладают особенностями двух этнических групп, осознавая свое сходство с ними. Во-вторых, присутствует ам-

бивалентная (неопределенная) этническая идентичность. Амбивалентная идентичность характерна для представителей этнически смешанной среды и выражается в том, что человек затрудняется определить свою идентичность или выбирает полиэтническую [36. С. 67].

Другой вид ассимиляции финнов – это, так сказать, бумажно-бюрократическая, формальная ассимиляция, когда в период учета и переписей дети финнов по ряду причин записывались в другие этнические группы [21. С. 33]: *Моя старшая сестра была записана в паспорте как «русская», ей паспортистка предложила поменять национальность. А я считаю, раз папа – финн, мама – финка, значит и я – финка (А2).*

Все старались, чтобы в паспорте в графе «национальность» значилось «русский или русская»: *Одна из двоюродных сестер бабушки была записана как финка, так она рыдала из-за этого (А14).*

Нельзя исключить возможность того, что запись в удостоверяющем личность документе, так или иначе, влияла на трансформацию этничности. Кроме того, надо учитывать особые условия времени, когда иные люди пытались скрыть финскую национальность, чтобы иметь меньше неприятностей с властями [19. С. 215]. В советский период многие финны добровольно скрывали свое этническое происхождение из-за негативного отношения к их нации. Например, не только финки, вышедшие замуж за русских, меняли финскую фамилию на русскую, но и финны, женившиеся на русских, брали русскую фамилию жены. В последние годы тенденция изменилась: в результате обратной реакции дети (внуки) некоторых информантов стали идентифицировать себя с финнами. Есть случаи, когда внук финна берет девичью финскую фамилию своей матери. Или внучка финна передает свою девичью финскую фамилию своей дочери, а её русский муж берет финскую фамилию жены. Данная практика объясняется тем, что семья намерена мигрировать в Финляндию.

Массовые репрессии, перемещения не могли не отразиться на численности финского населения Мурманской области. В сталинские годы было уничтожено почти 90 % финских колонистов [10. С. 306]. Согласно статистическим данным, на территории Кольского края в 1926 г. проживало 1697 финнов, что составляло 7,5 % от общего числа населения области (11 % всех проживающих в Советском Союзе финнов) [37. С. 371]. В 1939 г. финское население значительно увеличилось, достигнув 4317 (1,5 %) [6. С. 63]. Такой рост населения (не только финского) объясняется тем, что за это десятилетие (конец 1920-х – 1930-е гг.) государством проводилась политика индустриализации, и с целью привлечения рабочей силы на Кольский полуостров переселялись раскулаченные из других регионов. По данным переписи 1959 г., финнов в Мурманской обл. проживало 1197 чел. [6. С. 48]. По данным переписи 2002 г., в Мурманской обл. проживало 429 финна, что составляет 0,05 % от общей численности населения области [8. С. 53]. Согласно переписи 2010 г. в регионе осталось 273 чел., идентифицирующих себя как финны, что составляет 0,03 % от общей численности населения области [40].

По исключительному влиянию на семейные судьбы выделяются периоды конца 1920–1940-х гг. (обозначается информантами как «период раскулачивания», «годы репрессий») и Второй мировой войны, включающей советско-финляндскую («зимнюю») и Великую Отечественную войны. Нет ни одной семьи, в которой основное содержание «семейного предания» (исторического знания) не было бы связано с этими временными отрезками, больше всего наполненными событиями [27. С. 304]. Именно эти процессы в наибольшей степени дестабилизировали семейные группы в России. Миграции семей с финскими корнями были достаточно интенсивны и большей частью вызваны политикой государства. Вынужденные переселения привели к семейному кризису, распаду семей, разъединению родственников. Рассеянные по всей стране финны неизбежно будут терять и дальше язык и культуру, забывать обычаи [14. С. 257], поскольку дисперсное расселение, проживание в иной языковой среде отрицательно влияет на сохранность финской идентичности. Лишь у лиц старшего поколения можно наблюдать черты «финскости». Однако, несмотря на все исторические перипетии в жизни семей, на социализацию в русскоязычной среде, потомки финских переселенцев в той или иной степени сохраняют самобытные черты «материнской» культуры. Наше исследование показало, что этническое самосознание, которое имеет первостепенное значение для сохранения и поддержания культуры, во всех рассмотренных случаях опирается прежде всего на происхождение и является результатом внутреннего выбора и культурной политики семьи.

Безусловно, из поколения в поколение при смешении с другими народами в иноэтническом окружении закономерно, но в разных семьях по-разному, происходит постепенная утрата финской самобытности. И уже в правнучке финна от финна осталась только финская фамилия. По различным основаниям, но вопреки тому, что в некоторых потомках доля «финской крови» весьма мала, все они знают о

своих финских корнях, интересуются историей рода, а некоторые этнически причисляют себя к финнам. Из тридцати одного опрошенного восемнадцать информантов идентифицируют себя с финнами (А1, А2, А3, А4, А5, В6, Г7, Б8, Г12, А16, В18, А20, Б21, Б25, Б27, Б28, Б30, А31), двое – карелы (Б9, Г22), один – саам (Б29), восемь – русские (А10, А11, А13, А14, А15, Г17, А24, В26), у двух – биэтническая идентичность (А13, Б19), и у одного – амбивалентная идентичность (Б23). Родовая причастность к финской культуре постепенно становится фактом социальной памяти, элементом «наследия», а в ряде случаев – инструментом социальной мобильности, служащим для обоснования эмиграции.

СПИСОК ИНФОРМАНТОВ¹

Информанты А1 (М, 1922, д. Хуттусенмяки, Шлиссельбургский уезд, ЛО, г. Мурманск), А2 (Ж, 1946, г. Ленинград, г. Апатиты), А3 (Ж, 1932, г. Кировск, г. Апатиты), А4 (Ж, 1936, г. Кировск, г. Мончегорск), А5 (Ж, 1948, совхоз Митрофановский, Челябинская обл., г. Апатиты), А20 (Ж, 1931, д. Катума, Куйвозовский район, ЛО, г. Апатиты) из моноэтнических семей финнов-ингерманландцев; Б25 (Ж, 1939, Титовка, Полярный р-н, МО, г. Мурманск) – из моноэтнической семьи финских колонистов; Б27 (М, 1979, Руовеси, Финляндия, г. Мурманск) – из моноэтнической финской семьи.

Остальные информанты из гетероэтнических семей:

В6 (Ж, 1927, пос. Княжая Губа, МО), Г7 (Ж, 1927, хутор Ченги, Тунгудский р-н, Карелия, г. Апатиты), В18 (Ж, 1956, д. Судалица, Олонецкий р-н, Карелия, г. Апатиты): отец – финн, мать – карелка;

Б8 (Ж, 1950, пос. Зашеек, МО, г. Апатиты): отец – финн; мать: отец – карел, мать – русская;

Б9 (Ж, 1955, лесхоз Инга, МО, г. Апатиты): отец – карел; мать: отец – финн, мать – карелка;

А10 (Ж, 1945, пос. Умба, МО, г. Апатиты), А11 (Ж, 1943, д. Зимник, Вологодская область, г. Апатиты), Г12 (М, 1959, г. Тарту, г. Кировск); Б19 (Ж, 1953, пос. Верхнетуломский, МО), Б21 (М, 1964, пос. Чупа, Карелия, г. Апатиты), В26 (М, 1972, пгт. Ревда, МО): отец – финн, мать – русская;

А13 (Ж, 1947, пос. Тик-губа, МО, г. Апатиты), А15 (Ж, 1951, г. Кировск, г. Апатиты): отец – русский, мать – финка;

А14 (Ж, 1958, пос. Тик-губа, МО, г. Апатиты): отец – русский; мать: отец – ижорец, мать – финка;

А16 (Ж, 1981, г. Медвежья Гора, Карелия, г. Кировск): отец: отец – финн, мать – русская; мать: отец – карел, мать – русская;

Г17 (М, 1984, пос. Черский, Якутия, пгт. Кильдинстрой, МО): финн – прадед, остальные в роду русские, мать матери – луораветланка (чукча);

Г22 (М, 1935, пос. Калевала, Карелия, пгт. Кукисвумчорр, МО), А31 (Ж, 1952, пос. Березово, Беломорский р-н, Карелия, г. Кировск): отец – карел, мать – финка;

Б23 (М, 1980, г. Апатиты, родом из Белокаменки): отец: отец – карел, мать – финка; мать – русская;

А24 (Ж, 1951, пос. Чапома, МО, г. Апатиты): отец – финн; мать – белоруска;

Б28 (Ж, 1949, пос. Зашеек, МО, г. Полярные Зори): отец – ижорец; мать – финка;

Б29 (М, 1955, пос. Ена, МО, пгт. Африканда): отец: отец – саам, мать – финка; мать – русская;

Б30 (Ж, 1959, пос. Ена, МО, пгт. Ковдор, МО): отец: отец – финн, мать – русская; мать – русская.

ингерманландцы (А14: информанты 1, 2, 3, 4, 5, 10, 11, 13, 14, 15, 16, 20, 24, 31).

северные финны, в т. ч. мурманские колонисты (Б10: информанты 8, 9, 19, 21, 23, 25, 27, 28, 29, 30).

американские финны (В3: информанты 6, 18, 26).

финны из южной Финляндии (Г4: информанты 7, 12, 17, 22).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ЛО – Ленинградская обл.

МО – Мурманская обл.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Семейные архивы: А2, А3, А4, А5, В6, Г7, Б8, Б9, А10, Г12, А14, Г17, В18, Б19, А20, Б21, Б23, А24, Б25, Б27, Б28, Б30.
2. Государственный архив Мурманской области (ГАМО) в г. Мурманске.
3. Государственный архив Мурманской области (ГАМО) в г. Кировске.
4. Полный свод законов (ПСЗ-И). Т. XLIII. № 46467 ПСЗ-И. Т. LI. № 55934.

¹ Порядковый номер, пол (М/Ж), год рождения, место рождения, место проживания

5. Административно-территориальное деление Мурманской области (1920–1993 гг.): справочник. Мурманск, 1995.
6. Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги / под ред. Ю. А. Полякова. М., 1992.
7. *Добров В. В.* Население Кольского Севера. Мурманск, 1967.
8. Национальный состав и владение языками, гражданство // Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т. М., 2004. Т. 4. Кн. 1.
9. *Киселев А. А.* Финны на Мурмане // Полярная правда. 1989. 11 марта.
10. *Локко С. П.* Финны на Мурмане. Мурманск, 1993.
11. *Сиденснер А.* Описание Мурманского побережья. СПб., 1909.
12. *Беляев Д. П.* Начальный этап колонизации Мурмана и архипелага Новая Земля во второй половине XIX – начале XX в.: от замыслов к воплощению идеи // Живущие на Севере: Альманах. Мурманск, 2010. Вып. 1.
13. *Бусырева Е. В.* История и причины миграций современных кольских семей с финской родословной // Вестн. Орлов. гос. ун-та. 2012. № 2(22).
14. *Гильди Л. А.* Расстрелы, ссылки, мученья. СПб, 1996.
15. *Заднепровская А. Ю.* Ингерманландские финны // Многонациональный Петербург: История. Религия. Народы. СПб, 2002.
16. *Илюха О. П.* Финский фактор в истории культуры Карелии XX века. Гуманитарные исследования. Вып. 3. Петрозаводск, 2009.
17. *Иштонкова В. В.* Как погасили «ЛУЧ». Последние годы коммуны «SÄDE» // Российские финны: вчера, сегодня, завтра: сб. ст., посвящ. 20-летию Ингерманландского союза финнов Карелии. Петрозаводск, 2010.
18. *Йентофт М.* Оставшиеся без родины: История Кольских норвежцев / пер. с норв. Мурманск, 2002.
19. *Карху Э. Г.* Малые народы в потоке истории. Исследования и воспоминания. Петрозаводск, 1999.
20. *Киселев А. А., Климов Ю. Н.* Мурман в дни революции и гражданской войны. Мурманск, 1977.
21. *Киселев А. А.* Финны на Мурмане, или как возникла и исчезла финская община на Кольском полуострове // Наука и бизнес на Мурмане. 2003. № 3 (История и право).
22. *Киселев А. А.* Очерки этнической истории Кольского Севера. Мурманск, 2009.
23. *Киуру Э. С., Суни Л. В.* Очерк культуры российских финнов // Финны в России: история, культура, судьбы. Петрозаводск, 1998.
24. *Мусаев В. И.* Ингерманландский вопрос во взаимоотношениях и внутренней политике России и Финляндии (конец XIX – начало XX вв.): автореф. ... дис. д-ра ист. наук. СПб., 2002.
25. *Орехова Е. А.* Колонизация Мурманского берега Кольского полуострова во второй половине XIX – первой трети XX вв.: автореф. ... дис. канд. ист. наук. СПб., 2008.
26. *Попов Г. П., Давыдов Р. А.* Мурман: очерки истории края XIX – начала XX в. Екатеринбург, 1999.
27. *Разумова И. А.* Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М., 2001.
28. *Расила В.* История Финляндии / пер. с фин. и ред. Л. В. Суни. Петрозаводск, 2006.
29. *Савилова С.* «Хотелось бы всех поименно назвать» // Культурологический альманах АСТЭС. 2008. Вып. 5.
30. *Такала И. Р.* Финны в восприятии жителей Советской Карелии (1920–1930-е гг.) // Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России: сб. науч. ст. Великий Новгород, 2004.
31. *Такала И. Р.* Финский язык в Карелии: история и судьба // Российские финны: вчера, сегодня, завтра: сб. ст., посвящ. 20-летию Ингерманландского союза финнов Карелии. Петрозаводск, 2010.
32. *Ушаков И. Ф.* Кольская земля. Очерки истории Мурманской области в дооктябрьский период. Мурманск, 1972.
33. *Ушаков И. Ф.* Избранные произведения в 3-х т.: Историко-краеведческие исследования. Т. 1: Кольская земля. Мурманск, 1997.
34. Финские переселенцы в Карелии и на Кольском полуострове. Прибалтийско-финские народы России М., 2003.
35. *Шаишков В. Я.* Репрессии против финнов и других спецпереселенцев // Наука и бизнес на Мурмане. 2003. № 3 (История и право).
36. *Швец Л. П., Русанова В. К.* Молодежь Карелии в поисках этнической идентичности: проблемы и парадоксы // Молодежь Карелии в пространстве этнического самоопределения и межэтнической коммуникации: сб. ст. Петрозаводск, 2007.
37. *Шлыгина Н. В.* Финны // Народы России. Большая Российская энциклопедия. М., 1994.
38. *Энгман М.* Финляндцы в Петербурге / пер. со швед. А. И. Рупасова. СПб., 2008.
39. Национальный состав Мурманской области по данным переписи // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения 17.03.2015).
40. *Onella S.* Muurmannin rannan luterilaiset v. 1887–1888 // Skripta Historica. III. Oulu. 1973. P. 55-114

E.V. Busyreva

THE HISTORY OF FAMILIES WITH FINNISH ROOTS IN THE CONTEXT OF ETHNIC-SOCIAL PROCESSES (BY THE EXAMPLE OF THE MURMANSK REGION)

The article is based on the materials of research the purpose of which was to trace the influence of such ethno-social processes as migration, assimilation and heterogeneously marriage rate on the loss of Finnish ethnicity in subsequent generations of migrant families. The article also pays attention to the repressive policies of the state which had a negative impact on the preservation of Finnish culture. The basic method used was the method of oral history. Thirty one case histories of families with Finnish roots are presented in the article. The paper is based on interviews and archives of families living in the Murmansk region. The research showed that from generation to generation when mixed with other people in other-ethnic surroundings there has been a gradual loss of Finnish identity. This process is natural, but proceeds in different ways for different families. The research showed that the preservation of Finnish identity is most observed in Finnish-Karelian families, and depends primarily on the cultural politics of the family.

Keywords: history of family, ethnicity, assimilation, self-identification, migrations, international marriages, other-ethnic surroundings.

Бусырева Елена Владиславовна,
младший научный сотрудник
Центр гуманитарных проблем Баренц-региона
Кольского научного центра РАН
184209, Россия, Мурманская область, г. Апатиты,
академгородок, д. 40а
E-mail: ebusyreva@mail.ru

Busyreva E.V.,
junior researcher
Center of humanitarian problems
in the Barents Region KSC RAS
Campus, 40a, Apatity, Murmansk region, Russia, 184209
E-mail: ebusyreva@mail.ru